

РАЗДЕЛ II. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.4:342.1(47+57)

Багдасарян В.Э.

Московский государственный областной университет

КОНСТИТУЦИИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ С ПОЗИЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Аннотация. В статье представлен компаративистский анализ ряда Конституций постсоветских государств (Казахстана, Беларуси, стран Прибалтики). Получает обоснование несuverенный характер данного типа конституций. Историческим контекстом, определяющим их несuverенность, автор оценивает поражение СССР в «холодной войне». Рассматриваются различные правовые механизмы десuverенизации. Другой отличительной чертой постсоветских Конституций автор определяет запрет или ограничение на установление государственной идеологии. При этом фактически ценностное и идейное содержание Конституций определяется идеологией либерализма. Геополитически фиксируются западноцентричные ориентиры в рассматриваемых конституционных текстах. Автор ставит задачу разработки общей для постсоветского пространства конституционной реформы, направленной на реинтеграцию и ресuverенизацию бывших республик СССР.

Ключевые слова: Конституция, суверенитет, постсоветские государства, идеология, либерализм.

V. Bagdasaryan

Moscow State Regional University

CONSTITUTIONS OF POST-SOVIET STATES FROM THE ANGLE OF STATE SOVEREIGNTY PROVISION

Abstract. The article presents a comparative analysis of several constitutions of post-Soviet states (Kazakhstan, Belarus, Baltic countries) and proves their non-sovereign character. The historical context which determines their non-sovereignty is the USSR's defeat in the cold war.

© Багдасарян В.Э., 2015.

Legal mechanisms of de-sovereignty are considered. Another feature of post-Soviet constitutions is a ban and restrictions imposed on state ideology, whereas the values and ideas expressed in them are based on liberalism and western-oriented. The author sets a task

Генезис системы, как известно, определяет в значительной мере ее содержание. Соответственно, и содержание Конституций постсоветских государств определялось условиями их принятия. Существует три основные модели генезиса конституций: 1) национально-освободительная революция; 2) социальная трансформация; 3) поражение в войне. Конституции постсоветских государств были приняты в период с 1992 по 1996 гг. Их принятие явилось финальным аккордом, подводившим итог проигранной СССР «холодной войны». Для войн нового типа, каковой являлась «холодная война», не предполагающих непосредственно ввода вооруженных сил на территорию противника, документы о капитуляции приобретают неклассический формат [12; 13]. Несуверенные Конституции постсоветских государств и были фактически документами, заявляющими о капитуляции побежденной в «холодной войне» стороны [1].

Конституции постсоветских государств принимались в единых сходных условиях. Дискурс конституционной реформы был единый. Он выражался, прежде всего, в рамках двух принципиальных установок. Первая – деидеологизация, запрет на государственную идеологию. Вторая – отказ от суверенного бытия в пользу так называемых «мировых», «общепризнанных» ценностей. Суверенизация в отношении к Москве оказывалась одновременно десуверенизацией в отношении иного

of elaborating a general constitutional reform aimed at re-integration and re-establishment of sovereignty of the former Soviet republics.

Key words: constitution, sovereignty, post-Soviet states, ideology, liberalism.

геополитического аттрактора. Однако при этом существовала и определенная национальная специфика конституционного строительства. Геополитически поразить мировому проектировщику требовалось, прежде всего, осевое для постсоветского пространства государство – Российскую Федерацию. Это в российской Конституции 1993 года максимально удалось. В отношении других республик план был двойкий. С одной стороны, они, равно как и РФ, поражались в суверенности, но с другой, организовывались как буферный противовес России [2].

Остановимся более детально с точки зрения раскрытия принципов государственной суверенности на Конституциях двух групп постсоветских государств. Первая группа – страны, вошедшие, совместно с Россией, в Евразийский союз (Казахстан и Белоруссия), вторая – страны, принятые в ЕС (Эстония, Латвия, Литва).

Конституция Казахстана

Амбивалентность Конституции Казахстана проявляется уже в ее преамбуле. С одной стороны, заявляется, что государство Казахстан учреждено на «исконно казахской земли» [9]. Но эта исконность, как известно, не очевидна. Семипалатинск, Павлодар, Гурьев (в прошлом – Яик, где жили яицкие казаки исторически, но не казахи), Целиноград, переименованный ныне в Астану, – казахская исконность всех этих земель, по меньшей мере,

не бесспорна. Заявляя о казахской исконности территории, разработчик Конституции Казахстана тем самым, очевидно, предупреждал возможность новой сборки евразийского пространства [4; 5].

Одновременно в преамбуле Конституции Казахстана указывается целевой ориентир – «занять достойное место в мировом сообществе». Интегрируясь в мировое сообщество, Казахстан отстаивал дезинтеграционную линию в отношении прежней евразийской мир-системы. Таких противоречий в Конституции Казахстана довольно много.

В преамбуле говорится, что основанием принятия Конституции является приверженность «идеалам свободы, равенства и согласия» [9]. На первом месте в заявляемой триаде идеалов – «свобода». Насколько в действительности этот идеал соотносится с исторической жизнеустроительной традицией народов Евразии? Действительно, свобода является значимой ценностью. Но есть и более высокие идеалы, в том числе существование самой страны. Эти идеалы в Конституции не заявлены.

По сути, формула преамбулы Конституции Казахстана – «свобода, равенство, согласие» – есть очевидный перифраз знаменитой триады Великой Французской революции. Однако последняя ее составляющая – «братство» – оказалась заменена менее ценностно нагруженным понятием «согласие». В результате такой подмены она из универсальной идеологемы превратилась в идеологему преимущественно либеральную.

Статья 1 провозглашает в качестве высших ценностей государства «человека, его жизнь, права и свободы» [9].

Сходную формулировку высших ценностей дает, как известно, и статья 2 Конституции Российской Федерации [10]. Это общее проявление идеологии либерализма, характерное для всего постсоветского пространства.

Но вместе с тем, в Конституции Казахстана есть то, чего нет в Конституции Российской Федерации. Во второй части статьи 1 в перечне основополагающих принципов деятельности государства указывается, в частности, «казахстанский патриотизм». Дополнение ценностей прав и свобод принципом патриотизма меняет либеральный ракурс казахстанской Конституции.

Статья 4 Конституции Казахстана, как и России, устанавливает приоритет международных договоров перед национальным законодательством. Это, безусловно, поражает государственную суверенность. Но в казахстанской Конституции, в отличие от российской (статья 15), отсутствует положение о включенности в правовую систему «общепризнанных принципов и норм международного права». Среди других ограничителей взаимоотношений с внешним миром отмечается взятое на себя Казахстаном обязательство не применять первым вооруженной силы.

Несмотря на отсутствие в Конституции Казахстана категории «общепризнанных принципов и норм международного права», в ней, однако, используется категория «общечеловеческих прав» (статья 22) [9]. Само по себе использование этой дефиниции отражает состояние когнитивной зависимости в отношении к мировому центру.

Одной из наиболее одиозных статей российской Конституции является,

как известно, статья 13, запрещающая установление государственной идеологии в России. В Казахстане прямого конституционного запрета на государственную идеологию не существует. Статья 5 казахстанской Конституции устанавливает, что вмешательство государства в дела общественных объединений незаконно, равно как и возложение на них функций государственных органов. Подразумевался, очевидно, опыт советского партийно-государственного строительства. Это определенно ограничивает возможности государственного идеологического строительства, но не в той мере, как в России. К таким же препятствиям для государственного идеологического строительства относится запрет цензуры (статья 20) [9].

Ограничения государственного идеологического строительства сбалансированы в Конституции Казахстана ограничениями на идеологическую деятельность со стороны внешних акторов. Пункт 4 статьи 5 Конституции Казахстана устанавливает запрет на «финансирование политических партий и профессиональных союзов иностранными юридическими лицами и гражданами, иностранными государствами и международными организациями». Пункт 5 указанной статьи вводит ограничение на свободу «деятельности иностранных религиозных объединений». Руководители иностранными религиозными центрами в Казахстане могут назначаться только по согласованию с соответствующими государственными органами республики [9]. Сам факт введения в Конституции маркера «иностранные религиозные объединения», противопоставляемые национальным рели-

гиозным объединениям, отличает Казахстан в плане отстаивания государственной суверенности от неразличающей их Конституции Российской Федерации.

Среди других ограничителей взаимоотношений с внешним миром отмечается взятое на себя Казахстаном обязательство не применять первым вооруженной силы (статья 8). При современном развитии вооружения возможность нанесения превентивного удара является, как известно, единственной возможностью обеспечения национальной безопасности. К тому же, применение военной силы может предполагать союзнические обязательства (агрессия, к примеру, против одного из государств Евразийского союза). По действующей Конституции Казахстан, согласно статье 8, оказать вооруженную помощь своим союзникам, если не было непосредственного нападения на казахстанскую территорию, не может [9]. Для сравнения, ни одно из государств – членов ОДКБ соответствующих положений в своих конституциях не имеет.

Несмотря на отсутствие в Конституции Казахстана категории «общепризнанных принципов и норм международного права», в ней, однако, используется категория «общечеловеческих прав» (статья 22) [9]. Само по себе использование этой дефиниции отражает состояние когнитивной зависимости в отношении к мировому центру.

Важно применительно к оценке потенциала обеспечения государственного суверенитета проследить различие случаев использования определений субъектности права – «гражданин» и «каждый». Слово «каждый»

подразумевает, что соответствующее право распространяется не только на граждан, но и на иностранцев. Такое распространение может продуцировать угрозы формирования «пятой колонны», а потому должно быть оценено на предмет непротиворечивости в отношении государственного суверенитета. Вызывает сомнение, в частности, применение субъектности «каждый» в двух случаях Конституции Казахстана. Статья 20 фактически дает право иностранцам свободного распространения любой информации на территории Республики, т. е., по сути, ведения пропаганды. Статья 26 предоставляет иностранцам свободу ведения в Казахстане любой предпринимательской деятельности [9].

Либеральный характер Конституции Казахстана проявляется и в приводе в статье 42 тексте клятвы вступающего в должность Президента Республики. Им в инаугурационной речи гарантируется только соблюдение прав и свобод граждан [9]. О том, что президент должен осуществлять политику по обеспечению государственного суверенитета и национальной безопасности страны, не говорится ни слова.

Так же, как и Россия, Казахстан обладает в подушевом эквиваленте мощной природно-сырьевой базой. Но подходы в отношении распоряжения сырьевыми ресурсами у членов Евразийского союза различны. Если российская Конституция допускает частную собственность на земельные недра, то казахстанская – только государственную. Подход Конституции Казахстана к вопросу о соотношении государственной и частной собственности излагается следующим образом:

«Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом» (статья 6) [9]. Сравним со статьей 9 Конституции России: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» [10].

Статья 34 Конституции РФ запрещает любую деятельность, направленную на монополизацию. Конституция Казахстана формулирует свое отношение к монополии иначе. Предписаний о запрете деятельности, направленной на монополизацию, нет, но есть положение статьи о том, что «монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом» (статья 26). Это подразумевает легитимизацию существования монополий в Казахстане. Перспектива рыночных отношений в казахстанской Конституции выражена не столь радикально, как в российской конституционной версии.

Различаются также подходы российской и казахстанской Конституций к возможности обладания гражданами вторым иностранным гражданством. Статья 62 Конституции РФ такую возможность предоставляет. Конституция же Казахстана (статья 10) допускает только единственное казахстанское гражданство [9].

Конституция Республики Беларусь

Несмотря на сложившееся представление о Беларуси как государстве, наиболее последовательно из всех постсоветских республик противостоящем западному миропорядку, ее

принятая в 1994 году Конституция не-суверенна [15]. Внесенные в нее на референдумах 1996 и 2004 годов поправки, укрепившие президентскую власть, как фактор обеспечения суверенитета в республике, другие десоверенизационные положения не исправили. Отмена их находится, таким образом, в актуальной повестке конституционной реформы.

Амбивалентность Конституции Республики Беларусь, так же, как и Конституции Казахстана, обнаруживается уже в тексте преамбулы. С одной стороны, заявляется, что право на самоопределение опирается «на многовековую историю белорусской государственности» [8]. Исторические апелляции в данном случае еще более сомнительны, чем это проявлено в преамбуле казахстанской конституции. Никакой многовековой истории белорусской государственности не существует. Белоруссия исторически входила в состав других государств – литовского, польского, российского. Апелляция к многовековой истории потребовалась, очевидно, в условиях принятия Конституции в 1994 году для разрушения интеграционной версии русско-белорусского государственно-го единства.

Так же, как и в казахстанском случае, другой стороной преамбулы Конституции Беларусь является декларирование устремленности вхождения в западноцентричную мир-систему. Заявляется, что Республика Беларусь осознает себя «полноправным субъектом мирового сообщества» и подтверждает «свою приверженность общечеловеческим ценностям» [8]. *Общечеловеческие ценности, как следует из дальнейшей развертки статей бе-*

лорусской Конституции, – это именно ценности современной глобализируемой западной цивилизации.

Целевой ориентир государства формулируется в преамбуле Конституции как стремление «утвердить права и свободы каждого гражданина». Других целевых ценностных ориентиров не провозглашается. Это означает, что их либо нет, либо они вторичны по отношению к правам и свободам.

Как в российской и казахстанской Конституциях, высшей ценностью в Конституции Республики Беларусь заявляется «человек, его права и свободы» (статья 2). Одновременно это «цель государства и общества» [8]. Либеральное идеологическое основание конституционного строительства здесь налицо.

Беларусь не имеет, подобно России, запрета на установление государственной идеологии. Запрещается, вместе с тем, установление обязательной для граждан идеологии (статья 4) [8]. Ограничение на реализацию государственной идеологической политики, таким образом, существует, но не имеет столь же жесткой запретительной формулировки, как в России.

В качестве проявления демократии в статье 4 указывается «многообразие политических институтов, идеологий и мнений» [8]. По сути, под наименованием демократии транслируется система либерального устройства. О том, что демократия есть власть большинства (буквально – народовластие), не говорится ни слова. Многообразие идеологий означает также фактический запрет на артикуляцию национально значимого, цивилизационно идентичного для Беларуси перечня ценностей.

Откровенно десоверенизационный характер имеет исходное положение статьи 8 Конституции Беларусь. Оно формулируется следующим образом: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства» [8]. Заявляется, во-первых, что существуют некие «общепризнанные принципы международного права». В белорусской версии, в отличие от российской, говорится только о принципах, но не о нормах. Во-вторых, утверждается их приоритет по отношению к национальному законодательству. В-третьих, провозглашается требование выстраивания законодательства Республики Беларусь в соответствии с международным правом.

В той же статье для Республики Беларусь предусматривается возможность вхождения в «межгосударственные образования». Используется не понятие «межгосударственное объединение», а именно «межгосударственное образование», предполагающее более высокую степень политической консолидированности. Через право вхождения в межгосударственные образования прописан фактически механизм государственной десоверенизации.

Белоруссия декларирует в качестве целевого ориентира во внешней политике государственный нейтралитет (статья 18) [8]. Это определенным образом сдерживает перспективы военного союза с Россией.

К препятствиям для государственного идеологического строительства относится устанавливаемый статьей 33 запрет цензуры. Такая запретительная мера установлена (и это не случайно) и

в других постсоветских конституциях. Запрет государственной цензуры лишает государство важнейшего инструмента в обеспечении информационной суверенности. Цензурирование СМИ и интернета существует во многих странах мира, имея соответствующее законодательное закрепление. Данный запрет в постсоветских государствах блокирует возможности осуществления государственной информационной и культурной политики. К таким же препятствиям может быть отнесено и другое положение статьи 33 о запрете монополизации государством средств массовой информации [8].

Апелляция белорусской Конституции к внешнему миру проявляется еще раз в декларации права «обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (статья 61) [8]. Предполагается, таким образом, что решение международных организаций – более авторитетно, чем национальных.

В диссонансе с российской Конституцией, так же, как и в случае с Казахстаном, находится позиция белорусской Конституции о праве собственности на природные ресурсы. В собственности государства находятся не только недра, воды, леса, но и земли сельскохозяйственного назначения. Статья 13 дает все основания говорить о белорусской экономике как по преимуществу социалистической системе хозяйствования: «Собственность может быть государственной и частной. Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует

равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности. Государство способствует развитию кооперации. Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. Недрa, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства. Законом могут быть определены и другие объекты, которые находятся только в собственности государства, либо установлен особый порядок перехода их в частную собственность, а также закреплено исключительное право государства на осуществление отдельных видов деятельности. Государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы и улучшения социально-экономического уровня жизни» [8]. Диссонанс с российской экономической моделью создает достаточно глубокие проблемы в рамках евразийской интеграции.

И Казахстан, и Беларусь, в отличие от России, дифференцированно рассматривают религиозные организации в зависимости от продуцируемых ими угроз в отношении государственного суверенитета. Согласно статье 16 Конституции Республики Беларусь,

разграничиваются религиозные организации по их «влиянию на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» (статья 16) [8]. Устанавливается прямой запрет на «деятельность религиозных организаций, их органов и представителей, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь».

Конституции прибалтийских государств

При распаде СССР антисоветская риторика была, как известно, наиболее жестко выражена в республиках Прибалтики. Антисоветизм по настоящий день – важнейшая идеологическая компонента прибалтийских государств. Однако суверенизация в отношении Москвы оказалась сопряжена с десуверенизацией в отношении Запада. Реального суверенитета у Эстонской Республики, Латвийской Республики и Литовской Республики оказалось меньше чем, соответственно, у Эстонской ССР, Латвийской ССР и Литовской ССР. Советского Союза уже не существует, и поэтому декларация ими антисоветизма оказывается не позицией отстаивания суверенитета, а, наоборот, вывешиванием флага десуверенизации в отношении к Западу, заявлением об отказе от западных ценностей [14; 16].

В преамбуле Конституции Эстонской Республики указываются три исторические даты, как вехи государственогенеза Эстонии. Первая дата – 1918 год – обретение независимости от России, вторая – 1938 год – преддверие включения в СССР, третья – 1992 год – конституционная легитимизация постсоветского эстонского государ-

ства [11]. Очевидно, что главной темой самоопределения в этой версии оказывается противопоставление Эстонии России.

Конституции прибалтийских государств структурно и стилистически различаются между собой. Особенно сильные отличия имеет Конституция Латвии. После восстановления суверенитета латвийского государства, в Латвии было восстановлено действие Конституции 1922 года. Написанный в иных исторических реалиях конституционный документ, несмотря на внесенные в него изменения, плохо адаптирован под современные вызовы. Из всех постсоветских Конституций, Конституция Латвии – преимущественно юридизированный, но не жизнеустойчивый документ [6].

Идеологический пафос задает принятая только в 2014 году преамбула Конституции Латвии. Одна сторона этой идеологии – декларация европейскости Латвии. Используется формулировка «идентичность Латвии в европейском культурном пространстве» [6]. «Европейское культурное пространство» – это тот устанавливаемый разработчиком автором преамбулы цивилизационный коридор, который ограничивает суверенитет Латвии. Еще раз новая латвийская идентичность подчеркивается следующей формулировкой: «... осознавая себя как полноценную часть международного сообщества» [6]. Под *международным сообществом*, как следует из всего контента преамбулы, понимается геополитически доминирующий круг западных государств. Из такого позиционирования следует провозглашаемый целевой ориентир Латвии – «долгосрочность и демократическое

развитие Европы и мира» [6]. Европа ставится на первое место по отношению к миру, что еще раз акцентирует европейскую самоидентификацию. Демократическое же развитие в смысле рецептуры развития для мира в целом при унифицированном прозападном понимании сути демократии означает фактически поддержку глобальной политики Запада.

Вторая идеологическая сторона преамбулы Конституции Латвии – утверждаемая модель этнократии. Преамбула Конституции говорит не о латвийской, а именно о латышской нации, ее «непреклонной государственной воле» [6]. Латышский язык называется в качестве первоосновы сплоченности латышского общества. Западноцентризм в сочетании с этнократией определяет специфическую идейную смесь, предрасполагающую к реанимации нацизма.

В этнической версии говорит о Литовском государстве и преамбула Конституции Литвы. Субъектом создания Литвы провозглашается литовский народ, сохранивший «родной язык, письменность и обычаи», без какого-либо указания на многоэтничность современного общества [7].

И эстонская, и литовская Конституции содержат апелляцию к «общепризнанным принципам и нормам международного права» – главному конституционному индикатору несуверенности. Статья 3 Конституции Эстонии фиксирует включенность общепризнанных принципов и норм в правовую систему эстонского государства. Статья 123 эстонской Конституции отдает приоритет международным договорам перед законами Эстонии в случае их противоречия друг другу [11].

В Конституции Литвы категория общепризнанных принципов и норм международного права используется как ценностно-целевая основа осуществления внешней политики (статья 135). Заявляется, что современное Литовское государство «принимает участие в создании международного порядка, основанного на праве и справедливости». Что это за международный порядок, в построении которого принимает участие современная Литва? Очевидно, что речь идет о западноцентричной системе глобального миростроительства.

Специально оговаривается в Конституциях прибалтийских государств право иностранцев на ведение экономической деятельности, приобретение собственности. Очевидна ставка современной Прибалтики на привлечение иностранного капитала, пусть и в ущерб государственной суверенности.

Конституции прибалтийских государств в целом отличаются особой либеральностью в отношении деятельности иностранных резидентов. Специально оговаривается, что иностранцы обладают теми же свободами и правами, что и граждане соответствующего прибалтийского государства. При этом не указывается на возможные ограничения в реализации этих прав и свобод. Статья 9 Конституции Эстонии констатирует: «Права, свободы и обязанности всех и каждого, перечисленные в Основном Законе, распространяются в равной степени как на граждан Эстонии, так и на пребывающих в Эстонии граждан иностранных государств и лиц без гражданства» [11].

Статьей 30 эстонской Конституции предусматривается возможность за-

нятия должностей в государственном управлении и местном самоуправлении [11]. То, что в Конституции акцентированно оговаривается этот вопрос, означает предоставление «зеленого света» для десуверенизации системы государственного управления Эстонии. Потенциально может сложиться такая ситуация, что ключевые управленческие механизмы государства могут оказаться в руках неграждан Эстонии.

Неакцентированно возможность иностранцев оказывать влияние на государственную политику прибалтийских государств проявляется также в замене в части прав идентификатора «гражданин» на идентификатор «каждый». Так, статья 102 Конституции Латвии предоставляет каждому право вступать в политические партии, а статья 105 – каждому обладать собственностью [6]. Никаких ограничений для иностранцев в этих правах из латвийской Конституции не следует. Конституция Литвы использует на этот случай вместо «гражданин» понятие «человек», что также снимает связь предоставляемых прав с национальной гражданской принадлежностью. Формула статьи 25 «Человеку не должны чиниться препятствия в поиске, получении и распространении информации и идей» подразумевает, что правом на информационную пропаганду в Литве обладают не только литовские граждане, но и иностранцы, т. е. любой человек [7]. Тот же подход реализуется в статье 26, предоставляющей любому человеку право ведения религиозной пропаганды.

Статья 44 Конституции Эстонии предоставляет иностранцам право запрашивать и получать интересующую их информацию у государственных

органов и органов местного самоуправления, если законом не установлено иное. Обязанность государственных и муниципальных органов предоставлять информацию по соответствующим запросам иностранцев – прямое указание на несuverенность государства. Запрет на цензуру в Конституциях прибалтийских государств фактически блокирует возможности суверенной информационной политики (ст. 45 Конституции Эстонии, ст. 99 Конституции Латвии, ст. 44 Конституции Литвы). Конституция Литвы усиливает запрет на установление цензуры еще и установлением запрета на монополизацию государством средств массовой информации.

Статья 10 Конституции Литвы, утверждая единство и неделимость территории республики на какие-либо государственные образования, допускает принципиальную возможность изменения государственных границ (как расширения, так и сокращения территорий) при наличии соответствующих международных договоров [7]. Международные договора Литвы оказываются в правовом отношении выше принципа территориальной суверенности государства. Такую же возможность изменения границ предоставляет и статья 122 Конституции Эстонии [11].

Декларация о приверженности либерализму для прибалтийских государств являлась предъявляемым на уровне Конституций основанием пропуска в Европу. Прибалтийские Конституции в результате оказались либеральнее Конституций западноевропейских государств. Пример такого рода дает статья 46 литовской Конституции, открывающей описание

характера экономической системы следующим положением: «Хозяйство Литвы основывается на праве частной собственности, на личной свободе хозяйственной деятельности и личной инициативе» [7].

Однако существуют некоторые положения, делающие прибалтийские государства более суверенными, в сравнении с конституционным обликом Российской Федерации. Если российская конституция заявляет о независимости Центрального Банка от государства, то конституции Эстонии и Литвы – о его ответственности перед государственными органами.

Составной частью Конституции Литвы являются два исторических документа – Конституционный акт Литовской Республики о неприсоединении Литовской республики к постсоветским восточным союзам и Конституционный акт о членстве Литовской республики в Европейском союзе. Никакой равноудаленности от внешних сил нет. Указанные документы ярко иллюстрируют сделанный Литвой геополитический выбор. В отношении Востока декларируется невозможность какого-либо сближения в будущем: «1. Развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств. 2. Деятельность, целью которой является вовлечение Литовского государства в указанные в статье первой настоящего Конституционного акта союзы или содружества государств, считается враждебной в

отношении независимости Литвы, и ответственность за нее устанавливается в соответствии с законами. 3. На территории Литовской Республики не может быть никаких военных баз и воинских частей России, Содружества Независимых Государств или входящих в него государств». Проходит двенадцать лет, и позиция Литвы в отношении перспектив интеграции с Западом формулируется совершенно иначе. Приводилась следующая система доводов в отношении евроинтеграции: «выражая убежденность в том, что Европейский Союз уважает права и основные свободы человека, а членство Литвы в Европейском Союзе будет способствовать более эффективному обеспечению прав и свобод человека, подчеркивая тот факт, что Европейский Союз с уважением относится к национальной идентичности и конституционным традициям своих государств-членов, стремясь к обеспечению полноправного участия Литовской Республики в европейской интеграции, а также обеспечению безопасности Литовской Республики и благосостояния ее граждан» [7].

О перспективе Конституции Евразийского союза

Конституции стран Евразийского союза имеют определенные различия. Эти различия при постановке вопроса о дальнейшей интеграции могут стать основанием конституционной реформы и, в частности, легальным предлогом необходимости ревизии Конституции РФ.

Возможно вести речь и о двух уровнях Конституции. Первый – национальные Конституции, второй – Евразийская Конституция. Евразий-

ская Конституция может блокировать действие ряда десоверенизационных положений постсоветских Конституций национальных государств. Двухуровневая модель была, как известно, предложена ранее для Европы. Наряду с национальными Конституциями, предполагалось введение Конституции Европейского союза. Текст ее был разработан и представлен на утверждение. Проект не был реализован ввиду срыва в ратификации в ряде европейских стран [3]. Но то, что он не состоялся в Европе, не означает запрет на использование данного опыта в собственных целях.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Багдасарян В.Э. Сравнительный конституционный анализ. Конституция РФ как конституция побежденного государства // Либеральная конституция России 1993 года: проблема смены. Материалы научно-экспертной сессии. Москва, 6 декабря 2013 года. М.: Наука и политика, 2014. С. 14-43.
2. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Кризисы и конфликты на постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 2014. 304 с.
3. Введение в право Европейского Союза: учеб. пособие для вузов / Под ред. Кашкина С.Ю. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 384 с.
4. Дубовиков А.М. Уральское казачество в пореформенный период. 1861-1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 515 с.
5. Изюмов А.И. Уральская казачья община // Вопросы истории. 1998. №3. С. 129-134.
6. Конституция Латвийской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.satv.tiesa.gov.lv/?lang=3&mid=8> (дата обращения: 24.06.2015).
7. Конституция Литовской Республики [Электронный ресурс]. URL:

- http://www3.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 24.06.2015).
8. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351> (дата обращения: 24.06.2015).
  9. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akorda.kz/ru/category/konstituciya> (дата обращения: 24.06.2015).
  10. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 24.06.2015).
  11. Конституция Эстонской Республики [Электронный ресурс]. URL: www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/constit/estonia/estoni-r.htm (дата обращения: 24.06.2015).
  12. Мяло К.Г. Россия и последние войны XX века (1989—2000). К истории падения сверхдержавы. М.: Вече, 2002. 480 с.
  13. Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.
  14. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Академия, 2003. 456 с.
  15. Федута А. Лукашенко. Политическая биография. М.: Референдум, 2005. 704 с.
  16. Фреден Л. Тени прошлого над Россией и Балтией // Россия в глобальной политике. 2005. № 3. С. 122-130.